

УДК 94(470):[351.858+316.64]

doi 10.17072/2219-3111-2019-3-15-24

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ 1990-Х ГОДОВ (ПО ПИСЬМАМ ГРАЖДАН НА «РАДИО РОССИИ»)¹

В. А. Рыбаков

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
105066, Москва, ул. Старая Басманная, 21/4
varybakov@edu.hse.ru

На основании массового источника – писем слушателей на «Радио России» – исследуются изменения, происходившие в исторической памяти общества о Великой Отечественной войне в 1990-е гг. Обращение к письмам позволяет увидеть, какие аспекты индивидуальной памяти стали прорываться в публичное пространство в условиях идеологического и политического плюрализма, показать их связь с формированием новой исторической политики в ельцинский период и рассмотреть, как память о войне использовалась для осмысления настоящего. Массив эпистолярных источников, образовавшийся в результате создания в 1990 г. новой российской радиостанции, альтернативной общесоюзным СМИ, был изучен по ряду параметров: тематика писем, мотивация обращения, возрастной и гендерный состав авторов, время написания и география. Делается вывод о том, что в 1990-е гг., несмотря на сохранение основных констант советского военного мифа, в публичное пространство входит ряд новых аспектов памяти о войне. Среди них расширение поля исторической памяти вследствие сокращения «белых пятен» истории войны, эрозия сурово-героического канона войны, использование памяти о ней для осмысления истории страны и ее настоящего. Великая Отечественная война выступает как мерило других военных конфликтов, при характеристике которых используется ее образный ряд и символика. Важным аспектом нового восприятия ВОВ является предложение альтернативной концепции празднования 9 мая как дня поминовения. «Живая» память граждан, попадая в публичное пространство, становится одним из акторов переформатирования официального политического нарратива о войне.

Ключевые слова: историческая память, социальная память, Великая Отечественная война, 1990-е гг., письма граждан (слушателей) на радио, «Радио России».

Новые трактовки истории Великой Отечественной войны, появившиеся в постсоветской России, во многих случаях расцениваются гражданами как «осквернение» памяти о ней. В то же время (индивидуальная или семейная) память часто работает против официального нарратива о войне. Наше представление об исторической памяти общества в период радикальных реформ было бы ограниченным без обращения к такому массовому источнику, каким являются письма граждан в СМИ.

Актуальность данной теме придает использование современной властвующей элитой национального прошлого в политических целях, формирование «официального» исторического нарратива (подробнее см. [Малинова, 2015]), в том числе о Великой Отечественной войне.

Среди изданий, посвященных исторической памяти о Великой Отечественной войне, необходимо выделить коллективный сборник, изданный к 60-летию победы [Память о войне..., 2005]. Статьи историков, содержащиеся в нем, как правило, связаны с конкретными, локальными темами и отличаются сравнительно узкой источниковой базой. 1990-е гг. как самостоятельный период в них не рассматриваются, хотя именно тогда происходило разрушение брежневского мифа о войне – основы современной «русской идеологии» [Копосов, 2011, с. 4]. На необходимость введения в научный оборот новых источников указывают и другие авторы [Ростовцев, Сосницкий, 2014, с. 118].

В связи с изучением «живой» памяти о войне представляется важным замечание М. Габовича в статье, посвященной практикам публичного празднования Дня Победы. Автор отмечает, что на постсоветском пространстве «были отчетливо видны зародыши новых процессов (процессов, име-

ющих аналоги во всем мире): индивидуализации памяти о павших, перевода коммеморации из общегосударственного в семейный контекст» [Габович, 2015].

Наше исследование основано на коллекции писем, присланных на «Радио России» в период с 1991 по 2000 г. и хранящихся в Центральном государственном архиве г. Москвы (ЦГА Москвы. Ф. 8731. Оп. 1).

Обращение к письмам граждан позволяет увидеть, какие аспекты индивидуальной памяти стали прорываться в публичное пространство вопреки советскому официальному нарративу о войне в условиях идеологического плюрализма 1990-х гг., показать их связь с его трансформацией в ельцинский период, а также рассмотреть, как память о войне использовалась для осмысления настоящего.

Появление коллекции связано с образованием в России в начале 1990-х гг. собственной республиканской радиостанции («Радио России»), у истоков создания которой стояли журналисты молодежной радиостанции «Юность», поддерживавшие политику российского президента.

Значительная часть писем, поступавших в СМИ в условиях провозглашенной политики гласности, существенно отличалась от писем предыдущего периода. В них содержались размышления о текущих событиях, предложения по преобразованию общественной жизни, взгляды на проблемы исторического прошлого (подробнее см. [Елисеева, 2012]). За первые десять лет работы на радиостанцию поступило около миллиона писем (Соколовская. Л. 4–5).

Коллекция писем, хранящаяся в ЦГА Москвы, является частью редакционной почты и представляется сравнительно небольшой – 2305 писем. Критерием отбора писем для использования в радиопередачах и впоследствии для передачи на государственное хранение стало их содержание. В коллекцию вошли письма, «отражавшие внятную позицию граждан по тем или иным вопросам, содержащие факты частной или семейной истории, которую можно рассматривать как часть истории страны» (Соколовская. Л. 5).

Среди пишущих преобладали люди старшего возраста (не менее 77% – адресанты 60+ лет, не менее 82% – 50+ лет), остальным группам – детям и подросткам, молодежи, людям среднего возраста – в совокупности принадлежит не более двух-трех десятков писем.

Относительное большинство граждан старшего возраста составляют те, которые во время Великой Отечественной войны были молодыми людьми (от 17 до 25 лет), – примерно 26%. Среди авторов писем, заставших войну, относительное большинство (примерно 37%) находились в армии (за единичными исключениями – в действующей), в тылу – несколько меньше, приблизительно 31%, включая живших в прифронтовых городах и эвакуированных. Около 8% оказались на оккупированной территории или были угнаны в Германию и союзные с ней страны.

Таким образом, большая часть писем принадлежит людям, заставшим Великую Отечественную войну и/или первые послевоенные годы в сознательном возрасте и, соответственно, имеющим более-менее непосредственные впечатления о войне. Это дает возможность сопоставить эти впечатления с идеологическими конструкциями советской и постсоветской политики памяти. В то же время недостаток писем от людей, оказавшихся в период войны на захваченной территории, сужает оптику взгляда.

При анализе обращений граждан на радио следует учитывать и проельцинскую направленность адресата, в данном случае «Радио России» в 1990-е гг., часто вызывающую у авторов писем желание соответствовать ей. Однако это обстоятельство в значительной степени нивелируется богатством и разнообразием жизни, которая часто выходит за рамки предложенных правил.

Крайне важна и поправка на время: 1990-е гг. отмечены идеологическим плюрализмом и постоянными изменениями в общественно-политическом пространстве: одни идеи маргинализировались, другие, наоборот, обретали широкую поддержку, третьи трансформировались, что сильно ограничивало идеологическое влияние «Радио России» на своих слушателей.

Перечисленные обстоятельства задавали определенные рамки взгляда на события 1941–1945 гг.

Содержание писем и данные радиоанкетирования, проведенного среди слушателей «Радио России» в 1996–2000 гг., показывают, что для подавляющего большинства их главным событием XX в. была Великая Отечественная война.

Результаты анкетирования радиослушателей коррелируются с данными опросов ВЦИОМа, проводившихся в конце 1980-х и в 1990-е гг. Победа в Великой Отечественной войне признается подавляющим большинством граждан важнейшим событием XX в. При этом, по словам авторитетного специалиста в области исторической памяти А. Ассман, в России преобладает «память победителей» [Ассман, 2014, с. 288–289]. Война 1941–1945 гг. выступает для российского общества в целом опорным символом, важнейшим элементом позитивной коллективной идентификации, мерилем понимания прошедшего и отчасти – настоящего и будущего [Гудков, 1997, с. 12–13]. Данные показывают, что пересмотр истории войны, начавшийся в науке и публицистике в годы перестройки и особенно в 1990-е гг., мало повлиял на общественное сознание широких масс населения.

Однако тотальный просмотр писем, в которых центральным сюжетом была война, позволяет выявить новые аспекты «живой памяти» граждан и оценочные суждения, прорвавшиеся в 1990-е гг. в публичное пространство.

Во-первых, это темы, которые до 1990-х гг. почти или вовсе не были предметом научных исследований и публичных дискуссий. Нельзя сказать, что сюжеты и проблемы, о которых пишут авторы, вообще не были известны. Они обсуждались в частных беседах, в узком кругу однополчан, за кухонным столом. Однако в широкое публичное пространство, прежде всего в СМИ, они попадают только в условиях общественно-политических перемен, начавшихся в конце 1980-х гг.

Среди них такая тяжелая тема, как репрессии на фронте в отношении солдат. В одном из писем фронтовик рассказывает о том, чему сам был свидетелем:

«Если солдат в разговорах в окопе оскорблял имя Сталина или другого руководителя, трибунал приговаривал его к смерти, приговоры обычно заканчивались словами: “И хотел перебежать к врагу”. Исполнялись они так: нас отводили недалеко от передовой, перед строем у ямы ставили солдата и расстреливали. Такие казни проводились и в соседних частях.

Если при получении плохих вестей из дома солдат неодобрительно отзывался о власти, его отправляли в штрафбат на расстрел противнику. Причем отправляли, не объявляя другим солдатам о его вине, делали это тайно – человек просто исчезал из окопа. ... Так погибли невинно мои товарищи».

(Из письма П.П. Еремина, г. Челябинск, 1992.

ЦГА Москвы. Ф. 8731. Оп. 1. Д. 34. Л. 41–42)

Далее автор пишет, что после войны он сам проводил расследование – опрашивал ветеранов, и все они подтверждали факты репрессий в своих частях. В 1990-е гг. при строительстве Музея на Поклонной горе эта тема обсуждалась, однако ее пытались замолчать, о чем тогда писала газета «Известия» (Макимова, 1992). В ельцинский период Поклонная гора играла важную роль во властном дискурсе о войне, а в 1993–1994 гг. там проходили торжества в честь Дня Победы [Малинова, 2015, с. 92].

В 1990-е гг. в научной литературе появляются упоминания о проверочно-фильтрационных лагерях и репрессиях против военнослужащих, вышедших из окружения (см., например [Волкогоннов, 1992]). Об этом же читаем в письме санинструктора роты в составе 8-й Краснопресненской дивизии народного ополчения:

«Ну а потом, после выхода на свою территорию, освобожденную красной армией, нас всех собрали точно так, как было в “Живых и мертвых”...и... направили в спецлагеря НКВД. Наш лагерь был в Подольске, нас там было 7 тысяч. <...> меня спасли мои документы, с которыми я не рассталась, выходя из окружения. <...> Кто вышел с документами, тех освобождали и направляли в части. А комсостав почти весь пошел на Колыму».

(Из письма М. И. Гридиной, Курганская обл., с. Сафакулево, 1992.

ЦГА Москвы. Ф. 8731. Оп. 1. Д. 34. Л. 35–39 об.)

В письмах звучит и тема репрессий в отношении гражданского населения, например, советских немцев (ЦГА Москвы. Ф. 8731. Оп. 1. Д. 312. Л. 72 об.).

Следует подчеркнуть, что все эти письма написаны непосредственными участниками событий – фронтовиками или очевидцами.

Несколько писем посвящены неизвестной теме – использованию несовершеннолетних для разминирования полей. Так, в письме «фоного минера» сообщается:

«...Полвека тому назад я, соплиивый мальчишка, понадобился государству – под угрозой Военного трибунала меня погнали на минные поля. Это было решение Ставки Верховного Главнокомандования – сформировать отряды минеров из мальчишек 1927 года рождения. Эта страничка истории войны долгое время скрывалась, замалчивалась, потому что ни одна страна в мире, ни в какое военное время не могла, не имела права посылать несовершеннолетних на минные поля, короточе говоря, на смерть».

(Из письма П.И. Новикова, г. Пенза, 1994.
ЦГА Москвы. Ф. 8731. Оп. 1. Д. 112. Л. 29)

В 1990-е гг. в публицистике и научной литературе с новых позиций стала освещаться такая тема, как жизнь советских граждан на оккупированной территории. Впоследствии граждане скрывали такие факты своей биографии и в официальных документах, когда это было возможно, их не указывали.

О панике среди населения при приближении неприятеля, бегстве руководителей администрации поселка, сотрудничестве населения с немцами, т.е. о совсем негероических фактах, не укладывающихся в официальный советский канон изображения войны, рассказывается в ряде писем, среди которых письмо бывшей узницы лагерей Равенсбрюк и Заксенхаузен Л. Н. Крикуновой. Когда началась война, она с семьей жила в поселке Красногородск около границы с Латвией. Приближение немцев вызвало панику среди населения. *«Начальники всяких рангов, имеющие в своем подчинении автотранспорт, погрузили свои семьи и даже вещи и покинули поселок».*

После прихода немцев Л.Н. Крикунова работала заместителем бухгалтера в «управе» – гражданской комендатуре. Три года *«приспособленческой жизни в борьбе за выживание»*, – так вспоминает она этот период. *«Особых придирок к нам не было, т.к. мы оба [она и муж] были беспартийными, но уже на второй год появились партизаны и тогда же начались репрессии»* (ЦГА Москвы. Ф. 8731. Оп. 1. Д. 312. Л. 123–134 об.). Интересно упоминание о репрессиях со стороны немцев в связи с появлением партизан, о чем впоследствии в публицистике стали писать более открыто.

Еще одна табуированная тема – грабежи, совершаемые советскими гражданами в тылу. В письмах рассказывается о разграблении магазинов при подходе немцев к Туле осенью 1941 г. (ЦГА Москвы. Ф. 8731. Оп. 1. Д. 61. Л. 9–12 об.), о воровстве жмыха (отходы семечек подсолнуха) в совхозе «Красная Мордовия» (ЦГА Москвы. Ф. 8731. Оп. 1. Д. 312. Л. 171 об.) и др.

В письмах имеются и другие примеры подобного рода, однако все они касаются исключительно кражи продуктов питания. На увеличение количества дел о хищениях в военные годы по сравнению с довоенным периодом обращают внимание и историки права [Краснов, Потапова и др., с. 16–17]. Представляется, что это было связано с суровостью военного законодательства, с одной стороны, и крайне тяжелыми условиями жизни – с другой, т.е. с обстоятельствами, едва ли вписывающимися в канон «памяти победителей».

В 1971 г. на экраны страны вышел кинофильм Андрея Смирнова «Белорусский вокзал», где впервые в советском кинематографе прозвучала тема религиозности советских людей в период войны. В ряде документальных публикаций и научных исследований 1990-х гг. тоже отмечался рост религиозных настроений в годы войны [Васильева, 1999; Корнилов, 2000 и др.]. Но о своих отношениях к религии говорить, тем более писать на радио, было не принято, а в случае принадлежности к партии или комсомолу – просто невозможно. Эта тема, пусть и нецентральная, звучит в ряде писем: Т.А. Горчаковой из Иркутска (ЦГА Москвы. Ф. 8731. Оп. 1. Д. 312. Л. 115), А.В. Прохоренковой из г. Шахты Ростовской обл. (ЦГА Москвы. Ф. 8731. Оп. 1. Д. 117. Л. 2) и др.

Часто в письмах рассказывается о массовой гибели населения в тылу, в том числе о смерти детей.

Во время войны семья Б.П. Токаревой оказалась в эвакуации в Аджарии, в совхозе Чаква: *«Родители наши собирали чай, а мы, русские дети, в бараке, в горах лежали пластом на полу рядами и умирали от резкой смены климата, из зимы в лето. Сколько нас умерло в окопах, сколько нас умерло в этих аджарских горах, где были шакалы, рос бамбук и было все так непривычно. Я помню, как пришла врач-грузинка, осмотрели детей – нас, – лежащих в лохмотьях на полу, и сказала “Безнадежны”. Мы умирали пачками. И нет такой статистики в России (да и во всем СССР) сколько умерло детей. Такое страшное впечатление детства крепко врезалось в память 5-летнего ребенка».*

(Из письма Б.П. Токаревой (Апсон), г. Тула, 1995.
ЦГА Москвы. Ф. 8731. Оп. 1. Д. 115. Л. 36 об. –37)

Конечно, такая статистика велась. Но в советские годы документы Наркомздрава, а затем Минздрава СССР о детской смертности находились на спецхранении, и сейчас они не полностью рассекречены. Причем чем обобщеннее сведения, тем они труднее доступны для исследователей. Получить статистику в масштабе района было гораздо проще, чем в масштабе СССР.

О тяготах жизни в эвакуации, голоде, болезнях и детской смертности рассказывается в письмах эвакуированных в самые разные районы страны, особенно в сельскую местность. Вот фрагмент письма о жизни в эвакуации в г. Ивдель Свердловской области:

«Перешла в 5-й класс, и нас, ребятшек, отправляли в Уральские горы собирать ягоды для фронтовиков. Мы были раздетые, босые. А снег там выпадает в конце августа. А мы босые. И вот результат – в 12 лет туберкулез легких. Нас не лечили. Нам не было лекарств. Вылечила бабушка. <...> ...детство страшно вспомнить. Жить не хотелось из-за болезни.<...> ...вот вспомню детство и плачу. Где же мои одноклассники? Мученики».

(Из письма А.И. Степановой (Луговской), г. Улан-Удэ, [1995].
ЦГА Москвы. Ф. 8731. Оп. 1. Д. 115. Л. 39–39 об.)

Не менее впечатляюще письмо, рассказывающее о голодном детстве в одной из деревень Кировской области:

«Конечно, было голодно. Ели хлеб из клевера, лебеды, сушеных картофельных очисток, отрубей. <...> Тогда еще не было обуви, вещей. Мы зимой сидели босиком, ноги мерзли. <...> Очень страшно было, когда брат садился на «горшок» (господи, его, горшка, ведь не было), после этого хлеба выходила из него трава, кишка трескалась, лилась кровь, а он до синевы кричал». «Волклиюдоеды» на глазах автора письма схватили мальчика, потом его нашли обглоданным в лесу. В школу ходили босиком, а с приближением зимы дети бросали школу, поскольку ходить было не в чем. «Писали на газетах, чернила делали из сажи, свекольного сока, перья вставляли в стебли малины, вместо ручек».

(Из письма Г. М. Тарасенко, 1995.
ЦГА Москвы. Ф. 8731. Оп. 1. Д. 117. Л. 27–31 об.)

Переоценка «советского эксперимента», произошедшая на государственном уровне в ельцинский период, позволила сделать акцент на страданиях народа, оказавшегося жертвой не только жестокого врага, но и бесчеловечного режима. Это придавало особое звучание теме героизма и патриотизма советского народа, одержавшего победу не столько благодаря, сколько вопреки «системе» [Малинова, 2015, с. 91].

Таким образом, темы и сюжеты индивидуальной памяти, проникая в публичное пространство, становясь предметом исследования историков, социологов, так или иначе воздействовали как на коллективное сознание, так и на формирование новой политической памяти о войне.

Другой важный аспект исторической памяти о войне, который обнаруживается в письмах граждан, связан с несостоятельностью надежд на лучшую жизнь в послевоенный период.

В письме участника войны П.Ф. Лыхина, трижды раненого, читаем:

«Бывало, попадешь в госпиталь и как только станет чуток полегче, перестанут болеть раны, и размечаешься, как будем жить после войны. Всем тогда казалось, что жить мы будем совсем не так, как жили до войны, а значительно лучше, обеспеченнее, культурнее, без репрессий и преступлений. Но, увы! Мечтам нашим не суждено было осуществиться. Все эти 50 лет жили мы плохо».

(г. Электросталь Московской обл., 1996.
ЦГА Москвы. Ф. 8731. Оп. 1. Д. 312. Л. 152–153 об.)

Об обманутых надеждах, связанных с послевоенной жизнью, пишут не только фронтовики, но и те, кто работал в тылу. Одно из самых пронзительных писем на эту тему принадлежит У.З. Айметдиновой, которая жила в войну в башкирской деревне.

«Вот наступает 1943 год – весна. Как каждой весной, и в эту весну, еще снег не сошел, начинали искать в поле колосья, а в том году наверное ушла под снег не скошенная пшеница ... Началась массовая гибель людей, если в семье один умер, ... через 2–3 дня – все остальные. Называли мы эту болезнь кровяной. Хлынет кровь из носа, изо рта, и человек умирает. Спаслись те, у кого была корова, кто пил молоко – [те] не отравлялись, в том числе и наша семья. Хоронили по

15–16 человек в одну могилу, потому что уже не было сил копать каждому могилу. Папа уйдет утром на кладбище, вечером только придет, целый день похорон. Поскольку связи с миром нет (радио не было), мы думали это только в нашей деревне, а вот недавно местная газета (в Ульяновске) напечатала статью – воспоминания одной писательницы, как будто описала про нашу деревню. <...> Тогда, в день победы, не думали, что жизнь не облегчится, победа, казалось, все изменит, но далеко было еще до хорошей жизни в деревне. Работа с утра до вечера в поле за палочки на бумаге. Окончила 10 классов ... и уехала из деревни.

(г. Ульяновск, 1995.

ЦГА Москвы. Ф. 8731. Оп. 1. Д. 115. Л. 41–44)

Косвенным подтверждением мыслей, изложенных в письмах, служат и результаты опросов ВЦИОМа, проводившихся в 1990-е гг. По мнению большинства опрошенных, Советский Союз в наименьшей по сравнению с другими странами степени воспользовался результатами своей Победы. Наилучшим образом воспользовались ими наиболее развитые в экономическом отношении страны, участвовавшие в войне: Япония, США, Германия [Гудков, 1997, с.17].

Таким образом, осмысление гражданами результатов войны и оценка послевоенной действительности далеки от радужных.

Нельзя не отметить еще один аспект «живой» памяти о войне, связанный с разрушением ее официального сурово-героического нарратива, среди доминант которого – серьезность и возвышенность военной темы.

Смешные истории, происходившие на фронте и часто рассказываемые ветеранами, становились частью коммуникативной памяти, однако никогда не входили в память политическую. Бытовая линия в описании войны появилась еще в военные и первые послевоенные годы в советском кинематографе. Достаточно вспомнить кинофильмы «Беспокойное хозяйство», «Небесный тихход» и др.

В 1990-е гг. «бытовое» начало с новой силой врывается в публичное пространство. О смешном эпизоде, происшедшем на фронте, читаем в письме бывшего санинструктора роты пехоты Н.К. Сметаниной-Чулковой.

В 1942 г. «на фронте ребята разведчики обнаружили ящик из-под патронов, набитый баночками с мазью... <...> Конечно, никто не знал по-немецки. Кое-кто себе взял по несколько баночек для смазывания лица... Ребята мои все намазались от души. И...морды у всех горели огнем, опухли, покраснели. Я...пошла в медсанбат к врачам, чтобы кто-нибудь перевел, что это в банках. <...> Долго искала я, кто знает немецкий. <...> Нашли еврея-фельдшера – Яшу Дейч. Он перевел: в банках – мазь от гонореи!

Хотали все до потери пульса, и пришлось мне лечить опухшие рожки моих замечательных ребят, ну, конечно, дать им по баночке на всякий случай!»

(Из письма Н.К. Сметаниной-Чулковой, г. Москва, 1994.

ЦГА Москвы. Ф. 8731. Оп. 1. Д. 113. Л. 8–11 об.)

В 1990-е гг. победа в войне приобретает большее значение для утверждения в обществе идей русского патриотизма-национализма. В некоторых письмах, правда немногочисленных, педалируется национальное начало, героем-освободителем выступает «наш русский воин, наш Иван», а об общем вкладе в победу всех народов СССР в отличие от официальной советской концепции уже не говорится (см.: ЦГА Москвы. Ф. 8731. Оп. 1. Д. 117. Л. 12–13 об.).

О распространении таких взглядов говорят и данные социологов. По опросам ВЦИОМа в 1994 и 1997 гг. абсолютное большинство москвичей полагали, что во Второй мировой войне Германию победил русский народ – 60%, тогда как ответ «все народы СССР» в 1994 г. дали в 3 раза меньше опрошенных, в 1997 г. – в 4 раза меньше [Гудков, 1997, с. 12–19].

Усиление национального и религиозного факторов в общественном движении в этот период отмечают и историки. Так, только с 1995 по 1999 г. в России насчитывалось около 80 политических партий и движений национал-патриотического толка, отличительными чертами которых были русский национализм, православный фундаментализм, антисемитизм и ксенофобия [Верховский, Прибыловский, 1996; Шаповалова, 2014, с. 111–112].

В одном из писем (1993 г.) участники битвы на Курской дуге, живущие в Самаре, обратились с просьбой учредить ордена Жукова и Рокоссовского для участников битвы. Они писали: «*Эти ордена – вечная память всем, кто отстоял родину, Великую святую Русь в тяжелые годы! Они*

зовут на подвиг во имя Великой России» (ЦГА Москвы. Ф. 8731. Оп. 1. Д. 86. Л. 13–13 об.). Интересно, что год спустя, 9 мая 1994 г., были учреждены орден и медаль Жукова, а также издан указ о сооружении памятника военачальнику (Указы Президента РФ № 929 и № 930 от 9 мая 1994 г.).

Как видим, общественные настроения, отраженные в письмах, оказывали определенное влияние на формирование нового официального представления о войне. Как уже говорилось, в 1993 и 1994 гг. торжества по случаю Дня Победы проходили на месте, не связанном с советскими ритуалами, – на Поклонной горе. Однако в массовом сознании не Поклонная гора, а Красная площадь была сакральным местом, связанным с военными победами и ритуалами: парад 7 ноября 1941 г., салют Победы на Красной площади, повержение вражеских знамен 24 июня 1945 г. И торжества были возвращены на старое место.

Письма на радио позволяют увидеть еще один ракурс конструкта Великой Отечественной войны, которая выступает мерилем оценки других военных конфликтов с участием России, помогая осмыслить настоящее. В отличие от иных конфликтов, например, в Афганистане, война 1941–1945 гг. предстает в письмах граждан справедливой войной:

«...Почему афганцев называют интернационалистами? Кого они освобождали? Вот нас, Отечественников, по праву надо называть так, мы действительно освободили от фашизма почти всю Европу, а нас за это клянут как за рубежом, так и дома», – пишет фронтовой летчик из г. Тулы, летавший во время войны с одной рукой.

(Из письма И.А. Леонова, г. Тула, 1992.
ЦГА Москвы. Ф. 8731. Оп. 1. Д. 34. Л. 44–45)

В ряде писем Великая Отечественная война сопоставляется с первой чеченской. Вот одно из них, наиболее выразительное:

«Фронтовики и работники тыла, женщины и дети жизни не жалели, чтобы отстоять право на счастливую жизнь, а что имеем? Внуки их гибнут в Чечне в возрасте 18–19 лет! Снова идут в семьи похоронки! ... Какая подлость! Другое дело, когда гибли наши отцы, отстаивая свободу Родины, детство своих детей. Цели разные, а результат один – кровь и смерть, слезы и горе! Такое простить нельзя!»

(Из письма С.И. Третьяковой, с. Омутинское Тюменской обл., 1995.
ЦГА Москвы. Ф. 8731. Оп. 1. Д. 112. Л. 18–18 об.)

Осуждение чеченской войны содержится во многих письмах, а один из авторов, А.А. Готина, прислала целый сборник собственных стихов, посвященных чеченской войне. В сознании детей фронтовиков, к которым принадлежит автор, можно уловить «связь времен», обнаружить мышление образами Великой Отечественной войны в их неожиданном осмыслении применительно к событиям современности. Вот несколько фрагментов:

*Во мне горят всех войн прошедших раны.
Забиться на минуту не могу...
Спешит на встречу с дедом-ветераном
Внук “грузом-200” в цинковом гробу.*

(Из стихотворения «День Победы все дальше и дальше...»)

*От военных сводок сердце стынет.
Навсегда в нем место обрели
Рядом с белорусскою Хатынью
Грозный, Гудермес, Аргун, Шали.*

(Из стихотворения «Искушение».
ЦГА Москвы. Ф. 8731. Оп. 1. Д. 115. Л. 26–32 об.)

Переосмысление образов Великой Отечественной применительно к войне чеченской использовалось и российской властью. Так, в январе 1995 г. СМИ рассказывали о водружении российского флага над развалинами президентского дворца в Грозном, что отсылало к символике штурма рейхстага. Имеются и другие примеры, показанные в выпусках новостей «Останкино»: «Одни кадры были черно-белые, другие – цветные. На первых наши войска все ближе подходили к Берлину, сокрушая сопротивление немцев. На вторых внуки победителей штурмовали российский город Грозный» (Кондрашов, 1995).

В письмах некоторых граждан предлагалась новая концепция Дня Победы: не героико-патетическая – праздник победителей, праздник торжества советской армии над гитлеров-

ской Германией, а тихо-скорбная (см.: письмо В.М. Антоневич, 1995 г. ЦГА Москвы. Ф. 8731. Оп. 1. Д. 114. Л. 20–26 об.). В 1990-е гг. трагический нарратив о событиях Второй мировой войны начинает формироваться одновременно в странах Европы и США, а День Победы отмечается как день памяти погибших, день поминовения.

Своеобразным откликом на общественные настроения стало введение в России в 1996 г. новой памятной даты – Дня памяти и скорби 22 июня (Указ Президента РФ № 857 от 8 июня 1996 г.).

Как видим, часть писем работала на разрушение сложившегося в советское время официального нарратива о Великой Отечественной войне. В СМИ и публицистике периода перестройки и 1990-х гг. появилось немало публикаций и сюжетов, развенчивающих советский миф, что вызывало острую реакцию ветеранов войны. Во многих письмах звучит их обида за неуважение молодым поколением подвига отцов.

«Сколько же лично я слышал своими ушами от молодежи такие слова: “А кто Вас просил нас защищать, может, при Гитлере мы жили [бы] лучшие?” На вопрос мой: “А может, вас вообще не было бы на земле?”, – парируют ответом: “Лучше [бы] нас Вы и не рожали для такой жизни”. А какой такой? ... Честное слово, так и хочется новой войны с целью уничтожения такого общества больного...».

(Из письма И.А. Леонова, г. Тула, 1992.

ЦГА Москвы. Ф. 8731. Оп. 1. Д. 34. Л. 44–44 об.)

В других случаях звучит обида на власть, унижающую ветеранов своими «подарками» (200 рублей к Дню Победы), или на средства массовой информации (см.: ЦГА Москвы. Ф. 8731. Оп. 1. Д. 24. Л. 14–17; Д. 312. Л. 152–153 об.).

9 мая 1994 г. в эфир вышла программа тележурналиста Евгения Киселева «Минута молчания». В письме ветерана, младшего сержанта роты связи И.Б. Дивовой читаем:

«Мое поколение, сделавшее для страны более других, оказалось и более обиженным. В прошлом году мне было стыдно смотреть телепередачу, посвященную Дню Победы, – “Минута молчания”, которую вел Киселев.

Сначала показывали участников ВОВ, шедших по Красной площади, и каждый кадр сопровождался кадрами фашистов, шествующих маршем. Сравнение понятно. Такого оскорбления защитников Родины не позволила бы себе ни одна страна мира <...>

Ни голод, ни холод, ни нужда не унижают так человека, как такое отношение».

(Из письма И. Б. Дивовой, г. Самара, [1995].

ЦГА Москвы. Ф. 8731. Оп. 1. Д. 112. Л. 26–27 об.)

Письма показывают, как тяжело и болезненно многие граждане, и не только ветераны, воспринимали разрушение сложившегося представления о войне 1941–1945 гг. Как дань уважения ветеранам, а не режиму, Президент РФ идет на ряд уступок в плане закрепления советских символов войны. Так, в 1996 г. Ельцин подписал Указ об использовании Знамени Победы по случаям государственных праздников, в дни воинской славы и при проведении мероприятий, связанных с боевыми победами российского народа (Указ Президента РФ № 561 от 15 апреля 1996 г.).

Подводя итоги, можно констатировать, что, несмотря на неприятие значительной частью граждан новых подходов и оценок истории войны, можно выделить несколько новых характеристик и аспектов индивидуальной памяти о ней, которые входят в общественное сознание и публичное пространство в 1990-е гг. К ним относятся расширение поля исторической памяти и значительное сокращение запретных тем, разрушение официального сурово-героического образа Великой Отечественной войны, использование памяти о ней для осмысления истории страны, ее прошлого и настоящего. При этом оценка послевоенного периода жизни граждан выглядит достаточно критично.

В 1990-е гг. Великая Отечественная война выступает как один из важнейших конструктов русского патриотизма-национализма, как мерило других военных конфликтов, при характеристике которых используются ее образный ряд и символика. Важным аспектом нового восприятия Великой Отечественной войны является предложение альтернативной концепции празднования 9 мая – как дня поминовения.

Таким образом, именно в 1990-е гг. в условиях идеологического и политического плюрализма «живая» память граждан, прорываясь в публичное пространство, становится одним из акторов трансформации советского официального нарратива о Великой Отечественной войне.

Примечания

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке фонда «Президентский центр Б. Н. Ельцина» в рамках проекта «Социальная история России (1990-е годы)».

Список источников

- Кондрашов С.В.* В Женеве спустя эпоху // Известия. 1995. № 2. 4 февр.
- Макимова Э.* На Поклонной горе отливают в золоте сталинский миф о войне // Известия. 1992. № 72. 25 марта.
- Соколовская В.А.* Предисловие к описи // ЦГА Москвы. Ф. П–8731. Оп. 1. Л. 3–14.
- Указ Президента РФ № 561 от 15 апреля 1996 г. «О Знамени Победы» // СЗ РФ. 1996. № 16. Ст. 1846.
- Указ Президента РФ № 857 от 8 июня 1996 г. «О Дне памяти и скорби» // СЗ РФ. 1996. № 24. Ст. 2887.
- Указ Президента РФ № 929 от 9 мая 1994 г. «О сооружении памятника Г. К. Жукову» // СЗ РФ. 1994. № 3. Ст. 157.
- Указ Президента РФ № 930 от 9 мая 1994 г. «Об учреждении ордена Жукова и медали Жукова» // СЗ РФ. 1994. № 3. Ст. 158.
- Центральный государственный архив города Москвы (ЦГА Москвы). Ф. 8731. Коллекция документов авторских радиопередач В. А. Соколовской по письмам радиослушателей, адресованным на «Радио России». Оп. 1. Д. 1–338.

Библиографический список

- Ассман А.* Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Нов. лит. обозрение, 2014. 328 с.
- Васильева О.Ю.* Русская Православная Церковь в политике Советского государства в 1943–1948 гг.: Дис. ... докт. ист. наук / Институт российской истории РАН. М., 1999. 366 с.
- Верховский А.М., Прибыловский В.В.* Национал-патриотические организации в России. История, идеология, экстремистские тенденции. М.: Б. и., 1996. 190 с.
- Волгогонов Д.А.* Сталин. М.: Новости, 1992. Кн. 2. 432 с.
- Габович М.* Памятник и праздник: этнография Дня Победы // Неприкосновенный запас. 2015. № 3 (101). С. 93–111. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyu_zapas/101_nz_3_2015/article/11512/ (дата обращения: 29.06.2019).
- Гудков Л.Д.* Победа в войне: к социологии одного национального символа // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1997. № 5. С. 12–19.
- Елисеева Н.В.* Письма советских граждан в средства массовой информации как источник по изучению глобальной трансформации Советского Союза и России в конце 1980 – начале 1990-х гг. По документам Центрального архива общественных движений Москвы // Вестник архивиста. 2012. № 4. С. 95–113.
- Копосов Н.Е.* Память строгого режима: история и политика в России. М.: Нов. лит. обозрение, 2011. 315 с.
- Корнилов А.А.* Преображение России: о православном возрождении на оккупированных территориях СССР, (1941–1944). Н. Новгород: Б. и., 2000. 193 с.
- Краснов Ю.К., Потапова А.В., Воротынцева А.А.* Суды СССР в годы Великой Отечественной войны // История государства и права. 2010. № 9. С. 13–18.
- Малинова О.Ю.* Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: Полит. энциклопедия, 2015. 207 с.
- Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа / ред.-сост., автор. предисл. М. Габович. М.: Нов. лит. обозрение, 2005. 784 с.
- Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А.* Направления исследований исторической памяти в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2: История. 2014. № 2. С. 106–126.

Шановалова Л.Д. Государство и общественные объединения России в XX – начале XXI в. М.: Инфра-М, 2014. 160 с.

Дата поступления рукописи в редакцию 17.01.2019

HISTORICAL MEMORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE CONDITIONS OF SOCIAL TRANSFORMATION DURING THE 1990s (BASED ON CITIZEN LETTERS TO “RADIO ROSSII”)

V. A. Rybakov

National Research University Higher School of Economics, Staraya Basmannaya str., 21/4, 105066, Moscow, Russia
varybakov@edu.hse.ru

In the article based on a mass source – listeners’ letters to “Radio Rossii” (“Radio of Russia”), the author investigates changes in the Russian citizens’ social memory of the Great Patriotic War (the 1941–1945 War) in the conditions of political and ideological pluralism of the 1990s. The collection of epistolary sources, which appeared as a result of creating a new Russian radio station in 1990, is examined on a number of parameters, such as topics of the letters, motivation of the appeal on the radio, the authors’ age and gender, time and geography of writing, etc. The author concludes that in the 1990s, despite the persistence of the main points of the Soviet War myth, a number of new aspects of the memory about the War were included into the Russian public space and influenced the reformatting of the War political narrative. Among them, there are the expansion of the historical memory field due to a significant reduction of taboo topics, the erosion of the serious and heroic representation of the War, the use of the Great Patriotic War concept for interpreting the present and as one of the most important constructs of Russian patriotic nationalism, and finally the proposal of an alternative concept for the May 9 commemoration.

Key words: historical memory, social memory, the Great Patriotic War (the 1941–1945 War), the 1990s, citizens’ (listeners’) letters to the radio, “Radio Rossii” (“Radio of Russia”).

References

- Assmann, A. (2014), *Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [Shadows of Trauma. Memory and Politics of Postwar Identity], Novoye literaturnoye obozreniye, Moscow, Russia, 328 p.
- Eliseeva, N. V. (2012), “Letters of the Soviet citizens in mass media as a source on studying global transformation of the Soviet Union and Russia in the late 1980s – early 1990s. On the documents of the Moscow Central archive of social movements”, *Vestnik arkhivista*, № 4, pp. 95–113.
- Gabovich, M. (2015), “Monuments and Celebrations: Ethnographies of Victory Day”, *Neprikosnovennyy zapas*, № 3 (101), pp. 93–111, available at: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyy_zapas/101_nz_3_2015/article/11512/ (accessed 29.06.2019).
- Gabovich, M. (ed.) (2005), *Pamyat' o voyne 60 let spustya: Rossiya, Germaniya, Evropa* [The Memory of World War II 60 Years Later: Russia, Germany, Europe], Novoye literaturnoye obozreniye, Moscow, Russia, 784 p.
- Gudkov, L. D. (1997), “Victory in War: towards sociology of a national symbol”, *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny*, № 5, pp. 12–19.
- Koposov, N. E. (2011), *Pamyat' strogogo rezhima: istoriya i politika v Rossii* [Memory of a strict regime: history and politics in Russia], Novoye literaturnoye obozreniye, Moscow, Russia, 315 p.
- Kornilov, A. A. (2000), *Preobrazheniye Rossii: o pravoslavnom vrozhdenii na okkupirovannykh territoriyakh SSSR, (1941–1944)* [The transfiguration of Russia: The Orthodox revival in the occupied territories of the USSR (1941–1944)], IF NNGU, Nizhny Novgorod, Russia, 193 p.
- Krasnov, Yu. K., Potapova, A. V. & A. A. Vorotyntseva (2010), “Courts of the USSR during the years of the Great Patriotic War”, *Istoria gosudarstva i prava*, № 9, pp. 13–18.
- Malinova, O. Yu. (2015), *Aktual'noye proshloye: Simvolicheskaya politika vlastvuyushchey elity i dilemmy Rossiyskoy identichnosti* [The relevant past: The symbolic policy of the ruling elite and dilemmas of Russian identity], Politicheskaya entsiklopediya, Moscow, Russia, 207 p.
- Rostovtsev, E. A. & D. A. Sosnytskiy (2014), “Main areas of Russian memorial researches”, *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 2: Istoriya*, № 2, pp. 106–126.
- Shapovalova, L. D. (2014), *Gosudarstvo i obshchestvennyye ob'yedineniya Rossii v XX – nachale XXI v.* [The Russian state and public associations in XX – early XXI centuries], Infra-M, Moscow, Russia, 160 p.
- Vasilieva, O. Yu. (1999), *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' v politike Sovetskogo gosudarstva v 1943–1948 gg.* [The Russian Orthodox Church in the Soviet state policy in 1943–1948], PhD dissertation, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, 366 p.

- Verkhovskiy, A. M., Pribylovskiy, V. V. (1996), *Natsional-patrioticheskiye organizatsii v Rossii. Istoriya, ideologiya, ekstremistskiye tendentsii* [National-Patriotic organizations in Russia. History, ideology, extremist tendencies], Institut eksperimental'noy sotsiologii, Moscow, Russia, 190 p.
- Volkogonov, D. A. (1992), *Stalin* [Stalin], vol. 2, Novosti, Moscow, Russia, 432 p.